

УДК 128/129:1(091)(470)

С.А. Величко

*Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского
г. Симферополь, ул. Киевская, 116 а*

ОСМЫСЛЕНИЕ СМЕРТИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

Рассматриваются особенности восприятия феномена смерти представителями основных течений отечественной философии. Через сравнительный анализ исследуются основные отличия данных направлений в осмыслении онтологической, интимно – психологической и социальной роли смерти.

Актуальность темы. Философская мысль XIX – XX веков не могла обойти вниманием проблему смерти. Уже в самой основе русского философствования лежит взрослая уязвленность смертью, которая для каждого мыслящего человека, перестает быть только отдаленной возможностью. Философия отчасти есть спрашивание о смерти, о «самом главном. Но спрашивать можно по-разному. История западной философии – это история кружного пути мысли, создание завалов на пути к смерти. Отечественное изумление перед смертью вылилось в детский прямой вопрос, в первый и одновременно последний. Карасев А.В. утверждал: «Нет проблемы отечества, есть проблема преодоления смерти. Это то общее, что прорывается сквозь все многообразные формы духовного движения» [1, с. 104]. Практически ни один мыслитель в своем творчестве не обошел вниманием тему «ухода». Чаадаев и Белинский, Герцен и Добролюбов, Соловьев и Бердяев и многие другие внесли свой вклад в процесс осмысления смерти отечественной философией.

Цель данной статьи рассмотреть особенности осмысления представителями различных направлений отечественной философии феномена смерти, выявить степень влияния результатов их рефлексии на становление духовной жизни общества рубежа XIX – XX веков.

Объект исследования: осмысление феномена смерти в творчестве отечественных мыслителей XIX начала XX веков.

Предмет исследования: основные отличия в восприятии танатоса, существовавшие между материалистическим и религиозным течениями философии.

Уже один из величайших умов, человек, чьи идеи оказали влияние на процесс становления самобытной отечественной философии, Петр Яковлевич Чаадаев в своих духовных исканиях уделил много внимания осмыслению проблемы танатоса. Его вклад в осмысление этого явления трудно переоценить. Он, впервые в отечественной философии, вводит понятие социальной смерти. Половину жизни, по его мнению, мы бываем, мертвы –

когда спим или бездействуем, т.е. находимся в состоянии исключенности из жизни общества и природы. Человек же жив только в вечном движении. Только постоянный сознательный контроль над собой есть жизнь. Утрата контроля равносильна смерти. Эту идею социальной смерти Чаадаев распространил не только на жизнь отдельного человека, но и на целые государства. Он писал с горечью: «Мы присутствуем при жизни нашего века, но не участвуем в нем» [2, с. 199]. По его мнению, Россия находилась вне истории, значит, была социально мертва.

Отрицательно относясь к феномену социальной смерти, П.Я. Чаадаев с пиететом воспринимает физический «уход». На вопрос, что такое смерть? Чаадаев отвечает: «Та минута в целом бытии человека, в которую он перестает видеть себя в теле» [2, с. 174]. Иначе говоря, смерть философом понимается, как прекращение ощущений в своем теле, выход души из тела. Вопрос о жизни после смерти решается Чаадаевым в пользу посмертного существования, так как нельзя доказать строго ни бессмертия души, ни ее невещественности, но можно доказать жизнь души после той минуты, которую называют смертью. Для нравственности этого достаточно [2, с. 175]. Несмотря на столь простую трактовку, смерть понимается им как великая онтологическая тайна. Человек находится в состоянии перманентного ужаса от ожидания смерти. В своем воображении он считает, что постиг ее, но это только его заблуждение. Ни один представитель человеческого рода до конца не может быть уверен в том, что после смерти будет вновь жить.

Физическую смерть П.Я. Чаадаев понимает как естественное явление, которое через феномен своей таинственности, оказывает влияние на формирование нравственных доминант человека.

Особое внимание мыслитель уделяет состоянию «формальной жизни» или **социальной смерти**. Чаадаев первым исследовал и описал этот феномен. Социальная смерть является следствием внутренней деградации человека. Это состояние исключенности из жизни общества и природы и является, истиной смертью.

Материалистических взглядов на феномен танатоса, придерживались А.И. Герцен, В.Г. Белинский, Н.А. Добролюбов в своих работах так же не однократно затрагивали проблему «ухода». Эти мыслители выросли в религиозных семьях и соответственно получили серьезное религиозное образование. Добролюбов даже учился в духовном училище, а затем и гимназии. Их воззрения на проблему смерти и бессмертия претерпели серьезную эволюцию. Так Виссарион Григорьевич Белинский в марте 1840 года писал: «Для меня евангелие – абсолютная истина, а бессмертие индивидуального духа есть его основной камень» [3, с. 337].

Однако во второй половине 40 годов его отношение к бессмертию радикально меняется. Теперь единственной реальностью для Белинского был

живой человек. «Иначе зачем – спрашивал В.Г.Белинский, – зачем бы вам было рыдать в отчаянии над трупом любимого вами существа? – Ведь с ним не умерло то, что было в нем лучшего, благороднейшего, что называли мы в нем духовным и нравственным, – а умерло только грубое, материальное, случайное?». Далее он развивает свою мысль: «Но об этом-то случайном и рыдаете вы горько, потому что воспоминание о прекрасных качествах человека не заменят вам человека...» [4, с. 21]. Подобную метаморфозу в восприятии смерти и бессмертия пережили и другие. Воззрения Н.А. Добролюбова претерпели эволюцию от православно христианских взглядов до признания невозможности реального постижения бессмертия. «Он пришел к убеждению, что бессмертие противоречит действию объективных законов природы, обуславливающих ограниченность во времени всего сущего, в том числе и переходящий характер человеческой жизни» [5, с. 69].

Отказавшись от идеи посмертного существования, а, следовательно, от возможности достижения за гранью наличной реальности некоего «царства справедливости», они начали ориентировать общественное внимание на возможности построения идеального общества на земле. Разнообразные утопические проекты, созданные русскими материалистами, оказали существенное влияние на формирования общественного мнения. Эти идеи буквально впитывались представителями отечественной интеллигенции. В конце концов, утопические мечты о прекрасном обществе будущего в отечественном менталитете XIX – начала XX веков приняли форму своеобразной «религии прогресса», вершиной, которого должно было явиться возникновение идеального общества будущего [6, с. 33]. Гуманистической целью этой «религии» являлось достижение всеобщего счастья на земле. Поэтому неудивительно, что вера в прогресс возникла и развивалась под знаком милосердия и добра. «... Мы увидим все небо в алмазах, мы увидим, как все зло земное, все наши страдания потонут в милосердии, которое наполнит собой весь мир...» – утверждала чеховская Соня из «Дяди Вани», отражая убеждения передовой общественности того времени. Но эти добро и милосердие были заряжены стихией разрушения. В утопическом сознании отрицание реального бытия выражается, прежде всего, в стремлении разрушить окружающую действительность для замены ее идеальной конструкцией [6, с. 34]. Но любое деструктивное действие невозможно без насилия, поэтому утопическое мировоззрение 60-х годов XIX века было внутренне заряжено насилием. Смерть в нем становится необходимостью, так как именно она должна расчистить место для построения нового общества. Убийство невинных людей расценивается как неизбежная дань движения общества к лучшему будущему [6, с. 35]. Вполне логично что, следствием мирной Февральской революции стала «кровавая вакханалия Октября».

Необходимо также отметить, что, не смотря на то, что смерть русские материалисты воспринимали как негативное явление, отношение их к бессмертию также было отрицательным: «Застрахуй его (человека) от смерти, болезни, случая, горя, – считал Белинский, – и он – турецкий паша, скушающий в ленивом блаженстве, хуже – он превратится в скота» [3, с. 614]. Материалисты, разделяя точку зрения французских Просветителей, считали смерть природной необходимостью, естественным завершением жизни.

Анализ взглядов отечественных материалистов на феномен ухода показывает, что в исследование феномена ухода они не привнесли ничего нового. Практически все их идеи были заимствованы или из философии Просветителей или в учении Фейербаха. Своих оригинальных взглядов на проблему смерти и бессмертия материалисты так и не выработали. Смерть, как природная необходимость, у материалистов имела крайне низкий онтологический статус и воспринималась как негативное явление.

Если в философских исследованиях материалистов феномен танатоса, занимал далеко не самое важное место, то в творчестве представителей отечественной религиозной философии проблема смерти и бессмертия стала уже одной из центральных. Л. Карасев писал: «Философия есть спрашивание о смерти, «о самом главном»» [1, с. 104]. По образному замечанию В.Ш. Сабирова «Из метафизического ужаса и глубокого экзистенциального переживания мысли о смерти зародилась в сознании идея духовного преодоления смерти, а у некоторых мыслителей (например, у Н. Федорова и К. Циолковского) возникла полуфантастическая мечта ее физического преодоления. Вопрос о смерти и ее преодолении составляет, таким образом, центральную болевую точку и основное задание религиозной философии (русской идеи). Причем смерть здесь понимается, в самом широком смысле слова, как синоним всякого распада и разрушения, включая в себя личный, социально – исторический и космический аспекты бытия (небытия)» [7, с. 25]. Отношение к смерти в рамках религиозной мысли поражает разнообразием взглядов на это явление. Однако существует и ряд общих черт. Практически у всех религиозных мыслителей восприятие этого феномена четко амбивалентно. С одной стороны, смерть онтологически является злом, во многом потому, что олицетворяет собой абсурдность бытия. Н.А. Бердяев писал: «Не могу примириться с безвозвратностью, с образовавшейся пустотой, не могу примириться с конечностью человеческого существования, которую М. Хайдеггер считает последней истиной» [8, с. 342]. Один из глубочайших мыслителей В.В. Розанов характеризовал смерть, как: «арктический полюс, пелена снега, и ничего нет» [9, с. 89]. Далее он откровенно признается: «Смерти я боюсь, смерти я не хочу, смерти я ужасаюсь» [9, с. 89]. Танатос, по мнению Розанова, не просто зло, но зло

могущественное, так как «Смерть – это ноль... кому нужна эта ноль? – Богу? Тогда смерть сильнее бога. Тогда смерть сам бог» [9, с. 89]. Смерть становится для Розанова религией, другой религией [9, с. 89].

С другой стороны, практически все мыслители считали, что «в смерти есть нечто благостное, прощающее и исцеляющее» [10, с. 336]. Смерть не только предельное зло, в ней есть светлая сторона. Именно такое понимание смертности обостряет чувства. В этом ключе пишет и Н.А. Бердяев: «Только в смерти есть предельное обострение любви. Любовь делается особенно жгучей и обращенной к вечности» [8, с. 342]. Смерть привносит в нашу жизнь смысл: «Смысл связан с концом, – писал Н. Бердяев. – И если бы не было конца, т.е. если бы в нашем мире была дурная бесконечность жизни, то смысла в жизни не было бы. Смысл лежит за пределами этого замкнутого мира» [11, с. 216]. Фактически только осмысление танатоса, делает настоящей человеческую жизнь. «Жить стоит только тем, – отмечает И.А. Ильин – за что стоит бороться насмерть и умереть; все остальное малоценно или ничтожно. Все, что не стоит смерти, не стоит и жизни. Ибо смерть есть пробный камень, великое мерило и страшный судья», – писал Ильин И.А. [10, с. 340]. В представлении религиозных философов смерть является освободительницей от невзгод жизни, лекарем душ и главное – онтологическим основанием свободы человека. «Как хорошо, что она придет и поставит свою грань. Как это прекрасно, что она прекратит мою земную дисгармонию. Значит, эта мировая ошибка, носящая мое земное имя, может быть погашена или исправлена.... А смерть придет как избавительница или целительница. Милостиво укроет меня своим покровом. Даст мне прощение и отпуск. Откроет мне новые возможности. А я приму от нее свободу и, ободренный ею, начну восхождение к высшей гармонии. И вот это ожидание и эта уверенность даруют всей моей жизни – меру и форму» [10, с. 337]. Далее философ продолжает: «Слава Богу, все мое земное кипение, эта бесконечная борьба с самим собою, с моими противниками и со слепым безразличием человеческой толпы, эта борьба, в которой я время от времени изнемогаю. Доходя до муки и отчаяния, – все это не будет длиться вечно, не заполнит все Божии времена... Не вечно придется мне заживлять те раны, которые происходят от встречи моей немощи с непомерными заданиями жизни и мира» [10, с. 337].

Такое отношение к уходу объясняется во многом присущей всем религиозным философам верой в реальность посмертного существования. Однако при этом они не слепо повторяли Новозаветную точку зрения на проблему посмертия, а предлагали свои, подчас достаточно оригинальные концепции существования души после смерти. Возможно, самая интересная модель существования после смерти была выдвинута Б.П. Вышеславцевым. Являясь противником отождествления души и сознания, он утвер-

ждал: «если даже смерть означает потерю сознания, то это еще вовсе не значит уничтожение души, а может означать только переход из сознательного бытия в бессознательное», а в бессознательном «живут все времена в вечном настоящем» [12, с. 312].

Необходимо отметить еще одну особенность религиозной философии. Положительное отношение к танатосу органически сосуществует с отрицательным отношением к физическому бессмертию. Для Бердяева физическое бессмертие это бессмысленная, «дурная бесконечность жизни» [11, с. 216]. Ильин И.А. о бессмертии высказывается еще жестче: «Стоит мне только подумать о том, что эта вся моя земная особа, во всех отношениях несовершенная, наследственно обремененная, вечно болезненная, в сущности, не удавшаяся ни природе, ни родителям – сделалась бы бессмертной, и меня охватывает подлинный ужас...». Далее он развивает эту мысль: «Какая жалкая картина: самодовольная ограниченность, которая собирается не умирать, а заполнить собою все времена. Несовершенство, которое не подлежит ни исправлению, ни гашению... Бесконечный «огрех», вечный недотеп... Что-то вроде фальшивого аккорда. Который будет звучать всегда...» [10, с. 337]. Ниже он высказывает одну из главных причин, которые его заставляют быть однозначным противником бессмертия: «..., а ведь законы природы будут действовать с прежней неумолимостью. И я буду становиться все старше и, наверное, все немощнее, все беспомощнее, страшнее и тупее – и так без конца» [10, с. 337].

Следует так же обратить внимание еще на некоторые оригинальные идеи религиозной философии. Так известный философ П.А. Флоренский, замученный в Соловецком лагере, говорил о состоянии прижизненной смерти, которое, однако, не является синонимом «социальной смерти». Он писал: «Да, можно оставаться среди людей и делать вместе с ними дела, но быть мертвым для мира и руководить деятельностью своего тела, находясь уже не в нем, а со стороны, из горнего мира». [13, с. 598]. Из приведенного фрагмента видно, что человек находящийся в состоянии такой смерти, все же и делами и мыслями участвует в жизни окружающего мира. Он находится в постоянной духовной и физической сопричастности с другими людьми, и поэтому не может считаться социально умершим. Однако, по своему, в христианском понимании, его нет, ибо он умер. Но эта смерть не является синонимом понятия «небытие». Она является скорее разновидностью состояния «инобытия».

Провиденное исследование свидетельствует о том, что религиозные философы в отличие от материалистов, смогли создать оригинальную танатологическую концепцию. Они смогли стать первопроходцами в исследовании многих вопросов связанных с темой «ухода», внося существенный

вклад в осмысление проблемы социальной смерти, исторического и космического небытия.

Важную роль в их учение играла онтологическое основание смерти. Своим фактом присутствия в жизни, смерть делает жизнь человека эмоционально богаче. Она привносит в нашу жизнь смысл, то есть фактически делает нашу жизнь жизнью. Метафизически смерть в их представлении не являлась концом существования, а была неким переходом с одного пласта бытия в другой. Уже только поэтому смерть не могла пониматься как однозначно негативное явление, хотя своей безжалостной неотвратимостью она и вызывала у некоторых из них состояние ужаса.

В осмыслении темы «ухода» в рамках отечественной философии можно четко различить два основных направления: материалистическое и религиозное. Мыслители, принадлежавшие к первому направлению, воспринимали танатос, как негативное явление. Как закономерная необходимость природы, в их представлениях не являлась структурирующим началом. Метафизически смерть трактовалась как однозначный конец бытия. Возможность посмертного существования в любой форме этими философами отрицалась.

Отношение к смерти в рамках религиозной философии было гораздо сложнее. Если смерть для материалистов представлялась злом, то отношение религиозных философов к танатосу было амбивалентным. С одной стороны они боятся ее, буквально трепещут перед ее неумолимостью. Они не могут примириться с абсурдностью факта своей конечности и вместе с тем и не могут не видеть то положительное, что несет в себе танатос. Практически все религиозные философы были согласны с идеей Н.А. Бердяева что, именно «уход», делает нашу жизнь жизнью, обостряет ее ценность. Уже наличие одной этой идеи, являлось достаточным основанием, чтобы не воспринимать танатос как абсолютное зло. Кроме этого, все религиозные мыслители в той или иной степени разделяли представление о реальности посмертного существования, и поэтому смерть не была для них синонимом понятия «небытие» а, следовательно, и не являлась однозначным злом. Отличительной особенностью религиозной философии является негативное отношение к физическому бессмертию, понимаемому ими как «дурная бесконечность жизни». В отличие от материалистического направления, религиозные мыслители, смогли значительно расширить проблемное поле исследований феномена «ухода». Им принадлежит приоритет в исследовании такого феномена, как социальная смерть, когда человек не живет, а существует, прозябая в условиях отчуждения от всего, от всех и от самого себя.

В заключении необходимо отметить, что, несмотря на значительные достижения религиозной философии, ее влияние на умонастроение общества начала XX века было ограниченным. В этот период оказались востре-

бованными воззрения философов материалистов. Для общества это влияние имело катастрофические последствия, так как именно их взгляды и легли в основу мировоззрения, которое обеспечило Октябрьскую революцию 1917 года.

Библиографический список

1. Карасев А.В. Русская идея (символика и смысл) / А.В. Карасев // Вопросы философии. — 1992. — № 8. — С. 101, 104.
2. Чаадаев П.Я. Статьи и письма / П.Я. Чаадаев. — М., 1989. — С. 174–199.
3. Белинский В.Г. Собр. соч. в 9 томах / В.Г. Белинский. — М.: Худож. лит., 1982. — Т. 9. — 350 с.
4. Белинский В.Г. Взгляд на русскую литературу 1846 года / В.Г.Белинский // Собр. соч. в 9 томах. — М.: Худож. лит., 1982. — Т. 8. — 200 с.
5. Вишев И.В. Проблема бессмертия человека в русской философии / И.В. Вишев. — М., 1982. — С. 69.
6. Фесенкова Л.В. Тема смерти в русском менталитете и утопическом сознании / Л.В. Фесенкова // Идея смерти в Российском менталитете. — СПб., 1999. — 304 с.
7. Сабиров В.Ш. Русская идея спасения / В.Ш. Сабиров. — СПб.: Изд. СПб. ун-та, 1995. — 152 с.
8. Бердяев Н.А. Самопознание / Н.А. Бердяев. — М.: Книга, 1991. — 390 с.
9. Розанов В.В. Уединенное / В.В. Розанов. — М.: Политиздат, 1990. — 271 с.
10. Ильин И.А. Поющее сердце, книга твоих созерцаний / И.А.Ильин // Собр. соч. в 10 томах. — М.: Русская книга, 1994. — Т. 3. — 356 с.
11. Бердяев Н.А. О назначении человека / Н.А. Бердяев. — М., 1993. — 281 с.
12. Вышеславцев Б.П. Этика преображенного эроса / Б.П. Вышеславцев. — М.: Республика, 1994. — 432 с.
13. Флоренский П.А. Рассуждения на случай кончины отца Александра Мечева / П.А. Флоренский // Соч. в 4 томах. — М.: Мысль, 1996. — Т. 2. — 663 с.

Поступила в редакцию 20.11.2006 г.